

Анна Долгарева

Красная згода
Чёрная земля

сборник стихов

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д64

*Автор фото Анны Долгаревой на обложке
Наталья Полякова*

Долгарева Анна
Д64 Красная ягода. Чёрная земля. Сборник стихов / Анна Долгарева. – М. : Издательство АСТ, 2023. – 224 с. – (Мысли о Родине)

ISBN 978-5-17-154021-0

Анна Долгарева — поэтесса, военкор и журналист, победитель множества литературных конкурсов и самый молодой лауреат Григорьевской премии. Поэзия Анны Долгаревой поднимает вечные вопросы бытия и отвечает на них языком поколения, рано повзрослевшего в 1990-е, пережившего распад большой страны как личную драму, любившего и терявшего любовь в 2000-е и сейчас взвалившего на свои плечи ответственность за судьбу России. Стихи Анны — пронзительные, бескомпромиссные, нервные — написаны на разрыв души, с глубокой болью и любовью к Родине, Богу, людям, хрупкому миру вокруг нас.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

ISBN 978-5-17-154021-0

© Долгарева А. П., текст, 2023
© Полякова Н. Г., фото, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

О стихах Анны Долгаревой

Однажды ты пропустишь момент, когда из боли можно получить стихотворение. Так всегда раньше бывало: вдруг становится больно (с чётким поводом или без чёткого повода, только как предчувствие, неважно), и эта боль как трамплин – ещё немного и ты забудешь о ней, тебя заполнит что-то другое – сдавленное дыхание: его надо выпустить из грудной клетки, а оно не выпускается; ну давай тогда, тебя же учили: та-та-та-та-та, та-та-та, ну что ты как не родной? (А ты и не родной.)

А вот сейчас ты этот момент пропустил.

Тогда стихотворение в тебе начинает умирать. Это очень неприятное чувство.

*я пропустила момент,
когда боль моя стала больше меня,
и я разучилась поэтической речи.
потому что стихи я брала из солнечного огня*

Анна Долгарева (она долгая, она не на «ё») иногда кажется немного юродивой – если можно быть немного юродивой. Юродивый, кстати, не обязательно добрый, он может быть темным, несправедливым. Но он в любом случае странный. Ему какие-то свои птицы поют, мы их не слышим.

Самый известный пример женщины-юродивой – Ксения Петербургская. У неё внезапно умирает муж, причём без церковного покаяния, и вот уже на похоронах она появляется одетая в его камзол, кафтан, штаны и картуз. Армейские цвета: зелёный и красный. Ксения Блаженная (как

потом её назовут, но сперва, конечно, так не называли – её появление в таком виде вообще было б скандалом, если бы не жалость соседей) в своим 26 лет выглядела совершенно сумасшедшей.

Однажды ты пропустишь момент, когда из боли можно сделать просто бабий вой, пусть страшный, долгий, но хотя бы понятный, и вдруг совершишь странный шаг: попробуешь шагнуть на небо, не покидая землю. Нельзя сказать, что это очень приятный путь. Как тебе там, Ксеньюшка? Между небом и землей? Я так и думал – не очень.

Кстати, я не знаю, как будет названа книга. Аня написала: «Нечаянная река» или «Живое». И то, и другое это тоже, собственно, между небом и землёй. Река течёт, в ней небо отражается: водораздел небесного, водного и земного, к тому же нечаянный. «Живое» тоже – короткая вспышка между «ещё нет» и «уже никогда». Первое, что бросается в глаза, когда общаешься с автором этой книги вживую: Анна Долгарева выглядит всегда немного потеррянной.

*Ни хорошего, ни дурного
 О тебе никогда не скажу.
 У меня есть русское слово,
 И его ледяная жуть.*

Это хорошее определение – ледяная жуть слова. У Лескова есть прекрасная и страшная повесть – «Житие одной бабы». Если забыть о всей ледяной жути сюжета и оставить только основную мысль (но жуть всё равно наплывёт на неё, оледенив), то она проста: всё, что у нас есть спасительного – это любовь, без которой, и потеряв которую, можно сойти с ума.

Человек затеряется в этом снегу, в этой весне, в этом поле. Он сошёл с одного ума, а в другой не пришёл. Он застрял между небом и землёй. Между болью и стихотворением. Ему нужно только одно – да где ж это взять?

*Всё, что я есть, – отмечено ею.
По большому счёту,
Я вообще ни о чём не умею,
Кроме любви.*

Впрочем, человек может затеряться и в собственной книге.

Поэтические книги не созданы для того, чтобы читать их навывлет, страницу за страницей: тут перелистнем, не прочитаем (это нормально), где-то просто страницы склеились, а тут отвлеклись и книгу закрыли. Сборники стихов — это же не повесть, там не надо следить за сюжетом, хотя там сюжет есть, он просто подземный, подводный. Стихи читают, открывая наугад. Вот тут. Вот тут. Теперь ближе к середине.

Мне бы очень хотелось, чтобы этот текст не потерялся.

*Не ищи себя в зеркалах, раз настала осень.
Я сижу в вагоне, он идёт среди сосен,
я давно никого в отражениях не встречаю.
Передайте ему, что я по нему скучаю.*

*Голубой вагон идёт куда-то на север,
мой осенний ад привычен и ежедневен.
Проводник приносит стакан горячего чая.
Передайте ему, что я по нему скучаю.*

*Осень – это время ехать на север и запад,
автостопом и электричками – в стылый запах
чёрной влажной земли. Путь дождями обозначаю.
Передайте ему, что я по нему скучаю.
Передайте ему, что я по нему скучаю.
Передайте ему, что я по нему скучаю.
Передайте ему, что я по нему скучаю.*

Однажды ты допишешь стихотворение, и боли не станет.

Дмитрий Воденников

Это я иду к тебе.
 Это я иду по шиповнику, по камням,
 голая, точно родившаяся на свет.
 Без брони, камуфля, без запаса галет —
 это я не здесь уже,
 и ещё и не там,
 но я точно знаю: я есть.

Это я иду.
 вся в крови, как от перерезанной пуповины,
 через марево от пожара и крик совиный,
 я иду по углям, я иду по льду,
 и не видят мои глаза ни на шаг вперёд,
 что-то страшное за спиной у меня идёт,
 дышит в спину и тянет вниз,
 но я точно знаю: не обернись.

Потому что есть только любовь и её закон,
 принимающий тех, кто беззащитен и обнажён,
 кто не боится пройти сквозь лес,
 лес, где не живёт ни одна дорога,
 и сухие ветки за рёбра трогают,
 это я — есть.

Это я — иду.
 Это мой неумелый язык любви,
 Господи, благослови.
 Я ходила в ад, но не вечно ведь жить в аду.
 Я иду к тебе.
 Я иду.

Декабрь 2019

Когда я пишу,
Как видела мёртвых людей,
Разбитые окна, сожжённые крыши,
Как стреляли и жгли,
И не было правды среди земли,
И казалось, что нет и выше,
Как над зимней степью кричали вороны,
Как пальцы прилаживались к патронам,
То это я пишу о любви.

Когда я пишу,
Как подыхали мы в девяностых,
Как полыхали кресты на погостах,
И чёрные с головы до пят проходили женщины,
И чёрным становилось всё на земле,
То это я пишу как умею,
Пишу вслепую во мгле,
Это я пишу о любви.

И о чём бы я ни писала,
И кричала бы ни о чём,
Она была посреди всего —
Ангел с горящим мечом,
Когда хоронили,
Когда расставались,
Когда кольцо надевала на мёртвый палец,
Она была среди чёрных,
Изломанных, сгоревших людей,
Она была ветер степной,
И звон колокольный.
И я говорю о ней.

Всё, что я есть, — отмечено ею.
По большому счёту,
Я вообще ни о чём не умею,
Кроме любви.

Декабрь 2019

ПРОСТИ

слово «прости» растёт, вырастает из
 лёгких и сердца, становится деревом Игдрасиль,
 больше земли становится, больше моря
 и заслоняет идущую с севера осень,
 кошку с котятами возле входа в подвал,
 пьяных бомжей у магазина 24,
 всё заслоняет слово «прости».

*

детсадовцы, двое,
 такие круглые в своих ста одежках
 шелестят по осеннему парку,
 держатся за руки крепко, преочень крепко,
 а то налетит ветер,
 подхватит поодиночке,
 унесёт за синие леса,
 за далёкие города,
 котик братик, спаси меня, котик братик,
 так вот, держитесь крепко.

*

видела двух стариков, идущих из магазина,
 он с тяжёлыми сумками, она его держит под руку
 и причитает: «Лёшенька, не оступись».
 лужи затянуты льдом, и они семят,
 словно две птицы, чудесных два алконоста,
 неприспособленных для земли.

*

через свинцовую осень с запахом смерти,
 через дороги в асфальтовых серых заплатках
 через кленовые листья в дырочках тления
 происходит слово «прости»
 пульсирует в бурой земле, где спят семена.
 господи, даждь нам прощение
 даждь как дождь
 каждому, как золотой шар,
 чтобы никто не ушел,

не остался в тёмном углу, ковыряя стенку,
не лёг на ночь спать не помирившись,
чтобы мы все стояли живые
мокрые, словно только родившись
и принимали прощение, льющееся с небес,
и сами бы всех простили, и всё бы стало совсем хорошо.

Сентябрь 2019

Не бывало у меня ни дома, ни кровя ещё.
Перед Богом мы все бездомны и все наги.
Любовь — это когда приносишь свои сокровища,
Бережно раскладываешь их перед другими.

Вот, посмотри, это плюшевый мой медведик,
Я тебе скажу его тайное имя, ты наклонись.
Вот мой лес, он нетронут и заповеден,
Его нет на картах, но если посмотришь вниз,

То в нём растут невиданные цветы и травы,
Посмотри, это мой папоротник, он цветёт.
Нет у меня кровя, закаты мои кровавы,
Но вот мои сокровища, вот мой серебряный мёд.

Вот, посмотри, это пластмассовый мой солдатик,
Сражавшийся на самой настоящей войне.
Можешь взять его поиграть, мне не жалко, мне хватит.
Вот мои сокровища, ничего у меня лучше нет.

Слушай меня, пожалуйста, сказка моя простая:
Жил да был солдатик в заповедном лесу...
Белая вьюга, страшная меня замечает,
И сокровища мои глупые, и медведика, и лису.

Декабрь 2018

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О МАРИИ

Восходила, сияла над ней звезда,
 подо льдом шумела живая вода,
 просыпались деревни и города,
 напоенные светом новой звезды.
 Сквозь закрытую дверь пробиралась стынь,
 по-над полом тихо ползла туда,
 где сидела она, на руках дитя
 обнимая. Снаружи мороз, свистя,
 запечатывал накрепко все пути,
 чтоб чужой человек не сумел прийти.
 На дверных петельках темнела ржа.
 И она сидела, Его держа,
 и она бы молила Его не расти,
 чтоб стирать пелёнки, кормить из груди,
 оставаться не Богом — её дитём,
 не ходить этим страшным терновым путём,
 оставаться маминым счастьем, днём
 абрикосово-жарким, чтоб был — человек,
 и никакой Голгофы вовек.
 Чтобы всё как у всех, чтоб не знать никогда
 этих мук нелюдских, чтоб от горя не выть...
 Но уже восходила над нею звезда,
 и уже торопились в дорогу волхвы.
 И уже всё пело про Рождество.
 Потому не просила она ничего,
 только всё целовала ладошки Его
 и пяточки круглые у Него.

Январь 2016

Говорит ей:
 «Ну потерпи, ещё немного, терпи, терпи»,
 а она качается на осле,
 живот до носа.
 И ответила бы: «терплю»,
 но в горло въедается пыль,

пыль израильских серых песчаных заносов.
А он-то, Иосиф, всё суетится,
ведёт в поводу осла,
думает: как она, бедная,
лишь бы в дороге не родила,
вот дойдём-то до Вифлеема,
и там первая же гостиница, чайник чаю, тёпленькая вода,
пусть она ляжет, ляжет хотя бы, да.

А она качается на осле,
думает: «не может быть, чтобы это уже начало».
Пыль в лицо въедается.
От боли бы закричала,
но чего тут кричать, чем поможешь,
капли пота ползут по коже,
вот и Осе и так нелегко, а она помолчит, помолчит.

В Вифлееме он бросается от одной гостиницы до другой.
Как это нету мест, ну хоть для нее для одной,
Хоть койко-место, хоть от подсобки дайте ключи.

И везде головой качают, все места закончились,
только нули.

Извините, ничем не можем помочь.
В Израиле наступает ночь,
Но звезды ещё не взошли.

Он находит конюшню.
Маша, говорит, ну и что, ты немножечко потерпи.
(А она отвечает: «терплю»),
Посмотри, тут чисто и мягко, ложись и спи,
я воды принесу, я очень тебя люблю,
а она говорит: «началось».
Ко лбу прилипли волны волос,
побелела рука,
это — ещё не страдать,
чистая ткань,
тёпленькая вода.
И восходит звезда.

И всё становится лучше — теперь уже навсегда.
 И чего ты плачешь, не плачь, не плачь,
 Смерти нет отныне, не бойся,
 а только любовь,
 и выходят волхвы
 из-за дальних восточных холмов,
 слышен смех людей, и пение звезд, и ржание кляч.

Декабрь 2019

А воздух жаркий и липкий, и так его мало.
 Пропустите, говорит, пропустите, я Его мама,
 но её, конечно, не пропускают,
 ад хохочет, трясётся и зубы скалит,
 торжествует.
 А она говорит: дайте мне хоть ручку Его неживую,
 подержать за ручку, как в детстве,
 я же мама, куда мне деться.

Вот она стоит, смерть перед ней, в глаза ей смеётся,
 Пасть у смерти вонючая, зрачки-колодцы,
 Смерть идёт по земле, стирает гранит и крошит,
 а она отвечает:
 маленький мой, хороший,
 ты уж там, где ты есть, победи, пожалуйста, эту дрянь.
 ты вот ради этого, пожалуйста, встань,
 открывай глаза свои неживые, незрячие.

И плачет, сильно-пресильно плачет.

Он войдёт в её дом через три дня.
 Мама, скажет, мама, послушай, это и правда я,
 Не плачь, родная, слушай, что тебе говорят:
 Мама, я спустился в ад, и я победил ад,
 Мама, я сделал всё, как ты мне сказала.
 Смерть, где твоё жало?

Апрель 2018

В диких реках, где рыбы заснули давно,
В мёртвых чёрных озерах, не тронутых льдом,
Я ныряю на самое тинное дно,
В дикий омут глухой, где песок и темно,
Это значит любовь.

Почему, говорю, так нельзя, чтоб меня
Сразу взяли на облако, в люльку бы лечь,
И качали, качали, качали б, храня,
От печалей и ран, и чтоб платице снять,
Но любовь моя слово и речь.

Вот она: человек и другой человек,
И все раны да шрамы на теле у них,
Это рыбы слепые на дне тёмных рек,
Это ты, уходящий с вокзала во снег,
Словно в белый пророческий стих.

Почему в облаках, где теряется вес,
Мне нельзя спать и слушать, как ты мне поёшь,
Но мы странные звери, чьё сердце суть лес,
Если добрая сказка без страшных чудес,
То она обязательно ложь.

Но пока что возьми меня на руки, пой,
Что мы живы сейчас, будем живы весной,
И что любишь меня навсегда.
Даже если не выпустит омут глухой,
Ледяная речная вода.

Январь 2020

Сделала куклу из веток и ниток, за собою таскает.
 Это, говорит, душа моя неприкаянная,
 Неприткнутая, по белу свету шастает, мается,
 Усталая, слепоглухонемая.

А я вот ей сделаю чистенькую постельку,
 Положу на белые простыни, да у стенки,
 Буду петь-напевать ей песни,
 До самой весны буду петь ей тихие песни,
 И она отгает, отгает, воскреснет.

Какой нынче белый снег над нами в Москве,
 пронизанной поездами,
 И я гляжу на звезду, и в голову целит звезда мне
 Снайперским прицелом, и я упаду в сугроб
 с невидимой дырочкой на виске.
 Господи, прими нас в нашей тоске.

Все мы тут зайчики, лисоньки, потрепанные игрушки,
 Изорвавшиеся книжки,
 Разбившиеся фарфоровые пастухи и пастушки
 В советском серванте, в маленьком городишке.

Все мы тут ходим, ждём, чтобы нас подобрали,
 Чтобы назвали любимыми, но снег летит неустанно,
 Засыпает наши лица, дома и страны,
 И целит в висок звезда,
 И простираются магистрали.

Февраль 2020

когда вот так: горбатые домята
и сморщенная мокрая рябина,
и на полях разобранных и смятых
лежит трава — мы помним о любимых.

и так ещё: от чёрно-снежных ёлок
вечерний горизонт — слегка мохнатый,
и на берёзах тоненьких и голых,
туман и снег — как сахарная вата —

то мы тут ходим со своей любовью,
больные ходим со своей любовью,
и носимся со внутренней любовью,
и производим мир своей любовью.

а мир и сам — гляди же — происходит:
горчит во рту вода, листва опала,
и птицы с ней взлетели в небо, хоть и
укрыты мы от неба одеялом —

из серого и тёплого, как в детстве,
из сахарного снега и из облака.
а мы тут носим — никуда не деться —
вот это, что стозевное и обло.

храни тебя от чёрного пространства,
от космоса голодного ночного —
горячее дыханье лиса-братца,
и снег, и человеческое слово.

Ноябрь 2016